

100-летию со дня рождения Героя Советского Союза Анны Морозовой

Облик военной разведки ассоциируется у меня далеко не только со здоровенными парнями в защитном камуфляже и увесистых шлемах, с ног до головы увешанными хитроумным оружием. Слово «разведка» — женского рода, и никто ещё не отменял проверенной временем формулы «шерше ля фам», родившейся в XIX веке благодаря романам Александра Дюма — отца. Великая Отечественная война стала лишним подтверждением пророчества автора «Трёх мушкетёров». Единственным шпионом Сталина, проникшим в ставку фюрера, была Ольга Чехова, а американские атомные секреты активно похищала Лиза Зарубина.

Вряд ли я сильно ошибусь, если назову самой результативной зафронтной разведчицей периода Великой Отечественной войны Анну Морозову, которая в свои 20 лет в ноябре 1941 года возглавила резидентуру разведотдела 10-й армии Западного фронта (оперативный псевдоним Резеда), действующую против размещённой в посёлке Сеща крупнейшей авиабазы 2-го воздушного флота люфтваффе, подчинённого генерал-фельдмаршалу Кессельрингу.

Два года отважная разведчица находилась в самом пекле среди врагов. После того, как территория авиабазы была освобождена Красной армией в сентябре 1943 года, Анну Морозову вызвали в Москву и направили в разведшколу ГРУ Генштаба РККА на курсы радистов. Получив позывной «Лебедь», она в июле 1944 года в составе разведывательно-диверсионной группы «Джек» 3-го (диверсионного) отдела Разведуправления 3-го Белорусского фронта была заброшена в Восточную Пруссию, которая являлась веками создаваемой неприступной крепостью германской нации. Вопреки всем ожиданиям, группе удалось продержаться в этом логове пять месяцев, непрерывно передавая в Центр ценнейшую информацию о частях и укреплениях противника. За это время группа пересекла почти всю Восточную Пруссию. Под самый Новый год, 31 декабря 1944 года, в районе хутора Нова-Весь в Польше Анна была ранена в бою с карателями и, чтобы не попасть в плен, подорвала себя вместе с окружившими её эсэсовцами последней гранатой...

Долгие годы об этих подвигах отважной разведчицы вообще не было известно. Но в 1959 году бывший разведчик войсковой части № 9903 разведотдела штаба Западного фронта (той самой, в которой проходила службу Зоя Космодемьянская), затем командир действовавшей на территории Польши разведгруппы штаба 1-го Белорусского фронта Овидий Горчаков, ставший после войны известным писателем, опубликовал в «Комсомольской правде» статью, а в 1960 году в соавторстве с польским писателем Янушем Пшимановским — повесть «Вызываем огонь на себя» о деятельности интернациональной сещинской резидентуры, в которую входили также польские и чешские служащие гарнизона немецкой авиабазы. На основе этой повести был снят первый советский четырёхсерийный телесериал «Вызываем огонь на себя» с Людмилой Касаткиной в роли Анны Морозовой.

После его всесоюзной премьеры 18 февраля 1965 года ветераны Великой Отечественной войны и общественные организации обратились к советскому руководству с предложением присвоить Анне Морозовой звание Героя Советского Союза. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года «за особые заслуги, мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.» участнице Сещинской подпольной организации (Брянская область) Морозовой Анне Афанасьевне было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

В последующие годы вышли ещё две книги, рассказывающие уже о разведывательно-диверсионной группе «Джек». Это «Лебедина песня: повесть о «Лебедь» Овидия Горчакова (1968) и «Парашюты на

ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ: ПОДВИГ ВОЕННОЙ РАЗВЕДЧИЦЫ

деревьях» (1969) оставшегося в живых переводчика группы «Джек» Наполеона Фелициановича Ридевского.

...До войны на станции Сеща, что на Брянщине, размещалась авиационная воинская часть, где скромным вольнонаёмным делопроизводителем служила 20-летняя Анна Морозова. На следующий день после начала войны она подала заявление на фронт.

— Здесь такой же фронт, — сказали ей. — Будешь работать на старом месте. Но вскоре после прорыва Гудериана к Орлу и Брянску Аню вызвали в кабинет заместителя командира части. Там сидел незнакомый военный, с виду немолодой.

— Аня, — сказал он, — мы тебя хорошо знаем. Скоро здесь будут фашисты. Наша часть эвакуируется. Но кто-то должен остаться. Работа будет опасная и сложная. Готова ли ты к ней?

Как оказалось, легенда для юной разведчицы уже есть — в день эвакуации Аня прибежала в штаб с чемоданом, когда последняя машина с женщинами и детьми ушла в тыл. С опечаленным видом она вернулась домой, точнее, в здание бывшего детского сада — их дом разбомбили. В тот же вечер в посёлок вошли немецкие войска. Немцы полностью восстановили и расширили советский аэродром, построенный в Сеще незадолго до войны.

Территория его была надёжно защищена с воздуха и находилась в особой режимной зоне, доступ в которую был разрешён только обслуживающему персоналу авиабазы, ставшей одной из крупнейших баз дальней бомбардировочной авиации Гитлера. Отсюда самолёты 2-го воздушного флота генерал-фельдмаршала Кессельринга совершали налёты на советские стратегические объекты от Москвы до Ярославля, Горького и Саратова, бомбили вначале отступающие, а затем наступающие части РККА — в том числе и 10-й армии, задания разведотдела штаба которой и выполняла разведчица Анна Морозова.

Вначале в её разведгруппу входили только девушки-работницы из obsługi немецкой авиабазы. Это Паша Бакутина, Люся Сенчилина, Лида Корнеева, Маша Иванютич, Варя Киришина, Аня Полякова, Таня Василькова, Мотя Ерохина, и ещё две еврейские девушки — Вера Молочникова и Аня Пшестеленц, бежавшие из смоленского гетто, которые стали связными с партизанским отрядом.

Сама Аня работала прачкой. Вся информацию она передавала старшему полицая Константину Поварову — руководителю Сещинской подпольной организации, связанному с партизанами и разведотделом штаба 10-й армии. Костя был из местных, перед войной окончил военное училище, стал командиром, но попал в окружение и, чудом избежав плена, больной, добрался к своим родителям. Едва поднявшись с постели, он связался с пар-

тизанами и пошел служить в полицию, чтобы иметь надёжное прикрытие. К сожалению, отважный подпольщик погиб от своей же партизанской мины при разминировании дороги, на которой перед этим взорвалась немецкая машина...

С этого момента Сещинское подполье возглавила Аня Морозова. Однажды из окон её дома стали раздаваться звуки патефона, песни, смех шутки. Подпольщики пригласили в гости славян, служивших на аэродроме. Во время застолья девушки как бы случайно расспрашивали гостей об их службе, интересовались расположением построек авиабазы. Поляки Ян Маньковский, Ян Тыма, Вацлав Мессьяш, Стефан Горкевич и чех Венделин Робличка всё поняли и откровенно рассказали, что их заставили вступить в немецкую армию и как они ненавидят оккупантов.

Известный партизанский командир Фёдор Семёнович Данченков вспоминал:

— Аня Морозова — это особенный человек. Мы тогда, в партизанском лесу, с удивлением узнавали, как она решительно действует. Предоставить только, как рисковала, когда доверилась тем, кто пришёл к ней в немецких шинелях! Ведь всякое случалось... Через связных мы передали Ане сложное задание: надо было раздобыть подробный план авиабазы. Унтер-офицер Робличка, служивший в штабе, составил такую схему. Обозначил полосы аэродрома, склады топлива и боеприпасов, казарм, расположение противовоздушных средств, а также указал местонахождение ложного аэродрома, построенного для маскировки.

Наши радисты передали все подробности этой схемы в штаб фронта. А вскоре авиабаза подверглась первому налёту советской авиации — сгорело 22 немецких самолёта, ещё 20 были повреждены, 3 сбиты при попытке подняться в воздух, сгорел склад горючего. И хотя Ане и её подругам, вызвавшим огонь на себя, укрытием могли служить только погребя деревянных домиков, аэродром вышел из строя на целую неделю — и это в момент ожесточённых боев в ходе контрастпуления Красной армии. Вот тогда проявил себя разведывательный талант командующего 10-й армией Голикова и его разведотдела, заблаговременно, ещё в ходе отступления, позаботившихся о создании глубокой зафронтной резидентуры.

Венделин Робличка продолжал добывать графики боевых вылетов, данные о запасных аэродромах и даже планы карательных экспедиций против партизан. Именно он сообщил Ане о выезде части лётного состава Сещинской авиабазы на отдых в село Сергеевку. Партизаны совершили ночной налёт на «дом отдыха» люфтваффе и уничтожили около двухсот немецких лётчиков, среди которых были генералы и асы люфтваффе.

Помимо этого отважные подпольщики занимались саботажем (подсыпали сахар в бензин, песок в пулемёты), похищали парашюты и оружие) и диверсиями — к бомбам и бомболюкам прикрепляли магнитные мины замедленного действия, которые срабатывали в воздухе. В ходе начавшейся 5 июля 1943 года Курской битвы подпольщики Ани Морозовой взорвали 16 самолётов. Экипажи гибли, не успевая радировать на землю, и поскольку самолёты падали «по неустановленным причинам», начинались технические разбирательства и расследования.

Но немцам так и не удалось докопаться до истины — в немалой степени потому, что среди подпольщиков не нашлось ни одного предателя. Правда, в руки гестапо попал из-за собственной оплошности Ян Маньковский, но он умер как герой, вынес все пытки в тюрьме гестапо в Рославле и никого не выдал. Он даже отказался от побегов, опасаясь, что это погубит Люсю Сенчилина, ставшую его женой и ожидавшую ребёнка. Погибла, никого не выдал, и Мотя Ерохина.

Вскоре после этого на глазах у всех, едва успев взлететь, взорвались три самолёта, на которые установили мины Ян Тыма. Они

должны были сработать через час после взлёта, но вылет задержали... Яна и Стефана Горкевича арестовали, но им удалось бежать, и Аня переправила их в партизанский отряд. А 18 сентября 1943 года она вместе с подругами встречала на улицах Сещи бойцов Красной армии, которые и не догадывались, что в их успехах была немалая заслуга и этих девушек.

А дальше — совсем короткая передышка, помощь матери по хозяйству — и разведшкола. О том, что их разведывательно-диверсионная группа забрасывается в Восточную Пруссию, разведчики узнают только в самолёте — шансов вернуться у них практически нет. Павел Крылатых, Наполеон Ридевский, Зинаида Бардышева, Иосиф Зварика, Иван Мельников, Анна Морозова, Иван Овчаров, Николай Шпаков, Иван Целиков, Геннадий Юшкевич — из них, и то по счастливой случайности, уцелело только трое.

«Увидеть Пруссию и умереть» — такой была судьба большинства из 126 групп, заброшенных в немецкий тыл в период подготовки и проведения Восточно-Прусской наступательной операции. Вот как пишет об этом Овидий Горчаков: «Ночь на 27 июля 1944 года. Внизу — Восточная Пруссия. Десантники сидят друг против друга. Десять разведчиков... Командир группы капитан Крылатых тоже прильнул к круглому иллюминатору. Так вот она, Германия! Совсем не похожа эта чужая земля на белорусскую. Там от горизонта до горизонта тянутся бескрайние леса, виднеются две-три шоссе, редкие просёлки и просеки, нечастые деревеньки... Восточная Пруссия! Исходный рубеж Второй мировой войны. Спустя пять лет война возвращается на свой нулевой меридиан...»

Самолёт пересёк границу между городами Ширвиндт и Шталлупенен, севернее Роминтенского леса. Вначале командование предполагало сбросить группу капитана Крылатых в этот лес, но потом изменило решение — разведчики летят дальше на запад, в глубокий тыл врага. Вот внизу проплывает городок Куссен с блестящими, мокрыми от росы черепичными крышами, стратегически важная автомагистраль Тильзит — Гумбиннен с мостом — ещё целым мостом через реку Инстер. А вот и двухколейка Тильзит — Инстербург. В 15 км западнее пролегал железная дорога Тильзит — Кёнигсберг. Наблюдение за перевозками по ней — главная задача группы «Джек». До места выброски остаётся километров двадцать пять — тридцать...

Геннадий Юшкевичу, который живёт в Минске, тогда было всего 15 лет — но за его плечами, как и у других разведчиков группы, был уже немалый партизанский стаж. Он знал подрывное дело, был смел и решителен, имел хорошую память и неплохо владел немецким языком.

Геннадий Владимирович вспоминал: «Ещё перед посадкой в самолёт я обратил внимание на Аню, нашу радистку. В посадке головы, её фигуре, походке было что-то величавое. Как впоследствии я узнал, у неё был псевдоним Лебедь, который необычайно ей подходил. Горько вспомнить, что пришлось пережить этой лебедушке вместе с нами в Восточной Пруссии. Конечно, мы и понятия не имели о том, что она руководила в Сеще интернациональным подпольем. О таких фактах биографии в той обстановке не принято было говорить. Для нас она была просто радистка Аня».

Уже вскоре Ане пришлось выполнять горькую миссию — сообщать в Центр о гибели своих товарищей. Из засады убит командир разведгруппы Павел Крылатых.

Во время облёва немцы поймали Иосифа Зварика и повесили его за ноги. К тому же в ставке фюрера возле Растенбурга за неделю до высадки группы «Джек» было совершено покушение на Гитлера. Вся прилегающая зона находилась под личным контролем Гимmlера. Ни один самолёт не мог залететь сюда незамеченным, любой выход в эфир сразу пеленговался, а на земле парашютистов ждали полиция, полевая жандармерия, фольксштурмовцы, гитлерюгенд...

«Мы действовали в лесу, который называется парком, — рассказывал Юшкевич. —

Ровные квадраты, широкие просеки, даже деревья пронумерованы. Здесь трудно было укрыться. Как мы работали? Поздно вечером, обычно по двое, расходились по объектам. Одни к железнодорожному мосту, другие к шоссейным дорогам. Уходили на сутки. Дождь, слякоть. Мы наблюдаем за железнодорожной веткой Кёнигсберг — Тильзит. Считаем, сколько прошло к фронту эшелонов с танками, орудиями, солдатами. С наступлением темноты идём по 10 — 12 километров, чтобы передать сведения радисткам Зине Бардышевой или Ане Морозовой... Мы всегда были голодными. По ночам на огородах набирали капусту или морковь. Но бывало и по-другому. Когда голод подпирал, стучали в дверь поместья и показывали хозяевам оружие. Говорили по-немецки: «Дайте продуктов». Слышали за спиной стук по рельсу. Это хозяева подавали сигнал. Мы совершали бросок на 10 километров. На привале не могли обогреться, даже воду в котелке вскипятить. Разводить костёр было слишком опасно. Жевали траву, кору деревьев. В болотистой почве палкой пробивали воронки и через тряпку пили водицу... Уставали до такой степени, что, казалось, нет сил подняться с земли. Состояние полуобморочное. Но вдруг поблизости взлетает немецкая ракета. Мы вскакиваем и снова бежим. Однажды мы наткнулись на бетонные доты. Посмотреть сверху — так это цветущая аллея. А внизу — бункеры, подземные ходы. Здесь ещё не было солдат — слишком далеко от фронта. По ночам мы буквально на животе ползали, нанося на карту систему укреплений. Обнаружили мощные линии обороны, которые протянулись на 60 — 70 километров. Этот укрепрайон назывался «Ильменхорст».

Пять месяцев группа «Джек» действовала в тылу врага... 12 ноября 1944 года четвёртым и последним командиром группы «Джек» был десантирован лейтенант Анатолий Моржин (Гладиатор). Через несколько дней он радирует: *«Все члены группы — это не люди, а тени. За последние недели они настолько изголодались, промёрзли и продрогли в своей летней экипировке, что у них нет сил держать автоматы. Все сильно простужены. Одежда перепрела. Патронов осталось по 30 штук. Просим сбросить груз, разрешить выход в Польшу. Иначе все погибнем».* Из Центра пришёл ответ: *«Погода нелётная. Груз сбросить не можем. Вам разрешается выход в Польшу. Примите все меры к сохранению людей».*

В конце декабря в группе «Джек», вышедшей в Польшу, оставалось всего четыре человека, но она продолжала вести разведку. Последняя радиограмма Центру от Гладдиатора: *«В районе Остроленки находится 102-я пехотная дивизия, при ней 104-й артполк. Из Восточной Пруссии в наш район прибыла 28-я гренадерская дивизия. Из леса восточнее деревни Тычек-Носки в Кольно выехало 30 танков — полевая почта 8417. В район Лысе и Пупковизна приезжают за сеном солдаты 128-й и 144-й пехотных дивизий. Немцы нашли два мешка груза, сброшенного в двух километрах западнее сигналов, и начинают большую облаву».*

27 декабря землянка, в которой находились разведчики, была обнаружена и окружена карателями. Завязался бой. Немцы схватили Павла Лукманова, он не выдержал пыток и выдал нас. Француз умер молча. Сойка (Зина Бардышева, коренная москвичка. — **А.В.**) сразу была ранена в грудь. Она сказала мне: «Если сможешь, скажи маме, что я сделала всё, что смогла. умерла хорошо». И застрелилась».

Утром 30 декабря Аня выстукивает свою предпоследнюю радиограмму — результат совместных, как в Сеще, разведывательных действий русских и поляков: *«...Пятнадцать «тигров» и 67 других танков на рембазе. Бронетанковая часть в составе ста машин отправляется на платформах на Пшасныш. В Хожеле стоит часть из танкового корпуса «Великая Германия».* Вечером Аня передаёт последнюю радиограмму: *«В Пшасныш прибыл полк фольксштурма и батальон гитлерюгенда».* Ответ Центра: *«Выношу благодарность за успешную разведку в Млаве. Прошу выяснить результаты бомбёжки...»*

Совершив ночной переход, отряд расположился на отдых на хуторе в трёхстах метрах от деревни Нова-Весь. Сон прервали длинные автоматные очереди и разрывы гранат — хутор окружали немцы и власовцы. Схватив рацию и выскочив за ворота. Аня бежит в сторону леса — ребята прикрывают её, но у самой опушки разрывная пуля тяжело ранит её в запястье левой руки. Она наотрез отказывается укрыться в одном из домов, чтобы не подвергать риску хозяев, и уходит с партизанами дальше в лес.

Она уже не может передвигаться, и польские партизаны с помощью двух стариков смолокуров укрывают её в камыше на болоте, пообещав вернуться.

Но вскоре Аня уже слышит треск сучьев и хруст льда под сапогами эсэсовцев, лай собак. Она бросила гранату в собак и выстрелами из пистолета уложила трёх эсэсовцев. Затем, подпустив к себе остальных, зубами вырвала кольцо второй.

На её могиле установлена мраморная плита с надписью на польском языке: «Аня Морозова. Спи спокойно в польской земле!»

А. ВЕДЯЕВ,
историк спецслужб

г. Москва